

Михаил Чарков

Кабельщик

16+

Михаил Александрович Чарков

Кабельщик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56291790

SelfPub; 2020

Аннотация

Андрей – рабочий на станции метро. В тоннелях под землей он сталкивается с загадочными и мистическими событиями.

Сегодня ему снова приснился Сережка. Андрей наблюдал за сыном издалека, но видел все в деталях. Сережка в синей курточке и желтой вязаной шапке стоял в луже и смотрел на расходящуюся рябь из-под резиновых сапожек. Из носа текла тонкая, блестящая струйка. Андрей должен был подойти ближе. Он уже достал из кармана платок, чтобы вытереть нос сыну, но не смог сдвинуться с места. Хотел позвать по имени, но побоялся. В который раз побоялся. Метался между страхом и желанием увидеть лицо сына. А Сережка все так же внимательно наблюдал за кругами в луже и совсем не двигался.

Андрей проснулся без четверти шесть и смог разглядеть только синеватый контур высокого шкафа и стул, стоящий поодаль. Из-за опущенных штор в комнате было еще темно, но Андрей знал, что за окном небо уже светлеет. Темно-синее, холодное утро. Андрей встал с кровати и шумно поплелся в ванную. Он знал, что Татьяна все равно не спит и если не вечером, то в любое другое время все ему выговорит. Андрей повернул кран и, набрав в ладони ледяной воды, плеснул себе в лицо. После этих снов он всегда старался сразу проснуться, чтобы запомнить все детали. Но на этот раз что-то не давало ему покоя и дело было не в сыне. Сережка снился ему часто. Иногда они вместе гуляли, иногда ехали в машине. И сын всегда был одет одинаково.

– Синяя курточка, желтая вязаная шапка, – проговорил Андрей вслух. – Сапожки. Сапожки.

Он не помнил цвет детских резиновых сапожек. Вот что было не так. Андрей стоял перед зеркалом, всматриваясь в небритое отражение и никак не мог вспомнить цвет. Шаркающие шаги в коридоре заставили его очнуться и выключить воду. Он быстро вытер лицо мокрым, затхлым полотенцем и вернулся к себе в комнату, услышав, как жена хлопнула дверь в ванную.

Андрей выглянул в окно, осмотрел с шестого этажа пустой, темный двор и начал собираться на смену. Достал из ящика комода старый кнопочный телефон, отключил от сети смартфон и тоже сунул в сумку. В перегоне сигнала, конечно, не будет, зато в обед хотя бы посмотрит сериал, который скачал вечером. Ключи, зажигалка, паспорт, пропуск. Андрей натянул теплые носки, серый свитер и вышел в коридор. Татьяна снова ушла к себе, забыв выключить свет в ванной. Он щелкнул выключателем.

Андрей осторожно миновал обледенелое крыльцо подъезда и пошел к дороге. Утром выпал свежий снег и следы его ботинок у выхода со двора пересеклись только со следами дворовой собаки. Еще спящий город гудел, словно огромная электростанция. Готовился снова взорваться шумом или сгореть от переизбытка напряжения. Белый тротуар вел вдоль голых стволов деревьев куда-то вдаль, теряясь в темноте. Во дворах Андрей заметил ту самую собаку. Пес вынюхивал что-то в замерзших сугробах, боязливо озираясь на устрашающую фигуру Андрея в капюшоне и пуховике. Он не уди-

вился. Встреть Андрей сейчас сам себя идущего навстречу, тоже бы испугался. Когда в город приходит зима, все вокруг надевают черные пуховики, натягивают капюшоны и шапки. И кто знает, что может оказаться там, под ними. Андрей миновал два неработающих фонаря у дороги. Это был его ориентир. Если он проходил эти фонари – это означало, что до остановки совсем недалеко, шагов сто пятьдесят. Наконец показалась остановка, со сверкающей в свете фонарей полосой льда на асфальте. Какие – то шутники залили водой ведущую к ней тропинку. Шмыгая носом, Андрей осторожно, почти не поднимая ног и не вынимая рук из карманов, подошел к краю тротуара и поднял голову в ожидании автобуса. Метро должно было открыться в шесть. Его смена начиналась в семь.

В метро Андрей спустился без двадцати пяти семь. У железных дверей на пружинах, плотно покрытых древней краской, стояли несколько мужиков. Один сжимал в руке пластиковый стакан с кофе. От стакана валил пар, а рука мужика сильно дрожала. Он развернулся в сторону Андрея и, зажав ноздрю пальцем, высморкался на снег. Неподалеку, прислонившись к мраморной стене вокзала, надрывался беззубый старик – аккордеонист. Андрей торопливо взглянул на часы и нырнул в переход. В лицо потянуло теплым, сырым запахом подземки, а снег на ботинках тут же превратился в грязную воду. Для Андрея запахи креозота, мазута и солярки бы-

ли запахами тяжелой работы. Обыватели часто путают их с тем, как пахнет в сыром, заплесневелом подвале. А кому-то этот аромат даже нравится. Андрей лично знал таких людей и всегда удивлялся их странным предпочтениям. Наверняка для них, детей мегаполиса, это было связано с приятными детскими воспоминаниями, когда они ездили с родителями в зоопарк или просто выбраться в город. Мир изменился. В его детстве любимым запахом был запах листьев смородины и дедовской бражки, хотя Андрей справедливо замечал, что и его приятным было назвать весьма трудно. Он шел по переходу вдоль пластиковых киосков с цветами, едой, посудой и еще тысячей мелочей, время от времени отводя плечо назад, чтобы не столкнуться со спешащими навстречу людьми. На эскалаторе Андрей почувствовал знакомую вибрацию и теплый ветер вентиляционных шахт стал заметно сильнее. Он делал это уже сотню раз, но так и не избавился от мыслей о тоннах земли над головой, о давящих, сжимающихся стенах тоннеля, от чувства, что спускается в иной мир. Андрей сбросил с головы капюшон и стянул шапку.

До «Лисовской» он доехал минут за десять. Еще восемь потратил чтобы выбраться наружу и сесть в автобус. На «Кольцевой» он был ровно в семь. Андрей снова взглянул на часы и торопливо показал пропуск охране. Он не любил опаздывать, так что по отключенному эскалатору пришлось немного пробежаться.

– Андрюха, ты чё опаздываешь? – крикнул бригадир.

Андрей только махнул рукой и заторопился переодеться.

– Хороший ты мужик, Валя, но вот только рот постоянно до ушей, – ответил за Андрея Сергей.

– Тебе-то что? Ты можешь ходить с такой рожей, какой захочешь, а ко мне не лезь, – резко ответил Валя.

– Под землей лучше оставаться серьезным, – настаивал Сергей.

Бригадир Валя демонстративно отвернулся к мужикам, чтобы не продолжать разговор.

– Это наш Сергей, он у нас путеец со стажем, как видишь. Вечно ходит с рожей, как будто саму смерть увидел. И других заставляя.

Андрей, слушая разговор, быстро разделся до майки и трусов, и начал натягивать спецовку. Валя произнес слово «смерть» не просто так. Он знал, как Сергей относится к подобным вещам, когда бригада работает под землей. Но Андрея заинтересовало не это. Валя говорил так, словно читал инструкцию, а значит обращался к кому-то новенькому. Андрей схватил сумку и вышел на платформу.

– А это наш Андрей, будешь пока рядом с ним. Он тебе и задание даст, – Валя пихнул молодого парня ручищей в спину.

Андрей протянул парню руку и новенький крепко ее пожал. Даже слишком крепко. Видно, пытался произвести впечатление. Андрей осмотрел грязную спецовку. Наверняка

парень думал, что здесь ненадолго, а значит за вещами следить не нужно. Серая шапка съехала на затылок, жирные светлые волосы прилипли ко лбу, а голубые глаза внимательно его изучают. Новенький смотрел на него пристально, даже немного с вызовом. Андрею парень не понравился.

– Паша, – произнес он коротко.

– Андрей, – Андрей сразу решил сделать вид, что новенький ему совсем не интересен. – Валя, где дрезина? Мы кабель еще вчера на подстанцию завели.

– Не знаю, десять минут назад сообщили, что скоро будет, – бригадир потряс рацией.

– А лебедки? – подал голос Сергей.

– Не будет их, скорее всего, – теперь тон Вали звучал виновато. – Придется вручную.

– Как всегда, – Сергей закурил. В голосе звучало разочарование, но лицо, изборожденное морщинами, не изменилось. Насколько Андрей знал, Сергею было лет сорок шесть, не больше. Но выглядел он, как обычно это бывает с людьми его толка, на все шестьдесят.

Платформа завибрировала, послышалось жужжание работающего двигателя. Тоннель осветило прожектором, и мужики начали подниматься с путей наверх. На станцию въехала дрезина.

– Видишь барабан? – обратился Андрей к новенькому и указал на установленную на дрезине огромную катушку.

– Ну, – протянул Паша.

– На ней этот самый кабель и намотан.

– Какой? – не понял Паша.

– Ну тот, что нам укладывать придется.

Паша посмотрел на него так, словно Андрей шутит.

– А как ее размотать?

– Кого ее? – вмешался Валя.

– Катушку, – пояснил Андрей и улыбнулся. У него на глазах парень за пару минут превратился в мальчишку.

– А, барабан что – ли? Увидишь, – Валя снова толкнул Пашу в спину. – Ну давай, мужики, за работу.

– Ты кем раньше работал? – спросил Андрей.

Паша замялся: – Да когда как.

– Понятно, – вздохнул Андрей. – Ну тогда смотри, работа не сложная.

Только чтобы спустить барабан и установить подпорки, ушло порядка полутора часов. Затем работа пошла быстрее. Кабель, который они должны были укладывать в перегоне, был небольшого диаметра, поэтому приходилось справляться руками. Мужики в оранжевых жилетах выстроились в линию и, закинув кабель на плечо, как бурлаки, потянули его в тоннель. Со стороны это напоминало колонию муравьев, которым удалось прикончить длинную, черную змею. И вот теперь они тащили свою добычу в муравейник. Андрей решил поставить Пашу в числе тех, кто будет тянуть кабель дальше, а сам вместе с Мишей – одним из монтеров, помогал крутить барабан.

– Правильно ты его сразу припахал, пусть спеси поубавится, – сказал Миша, когда мужики размотали уже добрых двести метров. – Силы-то у него хватит, вопрос только когда он поймет, что она тут не особо пригодится. Парень, конечно с гонором, но ты его сильно все равно не гоняй, загонишь еще.

– Миш, ты ж меня знаешь, – ответил Андрей.

– Да, ты-то мужик нормальный, – Миша помолчал минут пять. Подождал пока крики «Э-э-э оп! Э-э-э оп!» мужиков стихнут и снова заговорил. – Завтра память Ромы. Помнишь?

– Завтра у тебя тоже смена? – спросил Андрей.

– Да, и у Вали с Серегой тоже. Сделаем, как обычно, в обед.

Андрей кивнул и плавно повернул барабан.

– Слышал про новый случай на «Спасской»? – спокойно продолжал Миша, словно говорил не о смерти человека, а о свежих утренних новостях.

– Слышал, – неохотно ответил Андрей.

– Говорят, он двери электропоезда разжал и вывалился.

Андрей посмотрел в лицо Миши, безмятежно жующего сигарету.

– Что, прям вывалился?

– Ну да, – Миша пожал плечами. – Ногу из вагона высунул, ну и зацепил высоковольтный шкаф. Тот его на пути вытянул, ну и все. – Он скорчил нарочито грустную гримасу и выпустил дым из ноздрей.

– Никогда не понимал, что их сюда тянет? – спросил Андрей. Сам вопрос был скорее риторический, но у Миши тут же нашелся ответ.

– Глупость и водка, – сказал он резко. – Ты хоть раз их в перегонах и сбойках ловил?

– Никогда, – честно ответил Андрей.

– А вот мне приходилось. И честно я тебе говорю, дай бог, если хоть раз из пяти они трезвыми были. Зальются водкой с пивом и лезут сюда. А такие, как мы, потом их от рельсов отскребаем.

– Ладно тебе, Миш, – Андрей не был таким толстокожим, как Миша, и не любил лишние подробности, которые его друг считал наиболее интересными.

– Не ладно, – резко ответил Миша. – У соседки моей сестры, Ирки, сын из таких же был. Вот как раз недавно здесь на «Кольцевой» его ловили. Спустились они пьяной компанией и заблудились. Станция же давно на ремонте. Из-за этого сюда и лазили постоянно. Даже солдатиков в тот раз пригнали, чтобы этих дураков из тоннелей вылавливать. И ты представляешь, нашли, значит, их, наружу вывели, ментам сдали, а те говорят, что с ними еще один пацаненок был. Вот как раз сын соседки этой. Пришлось всех обратно гнать. Восемь часов его искали. А нашли, говорят, в кабельном коллекторе. Парень в тупик забился и сидел, – Миша показал руками тупик. Он был из того типа людей, которые всегда при разговоре очень живо и часто жестикулируют.

– Чего сидел, не понятно. Еще говорили, что чуть ли не седым его оттуда доставали. У пацана шок был сильный или как там это называется. Короче, говорил, мол, увидел что-то в перегоне и начал убегать. Поэтому в коллекторе и спрятался.

– Что видел? – спросил Андрей.

– Да черт его знает. То ли собака там за ним гналась, то ли еще что. Говорят, боялся он их сильно, вот и привиделось по синьке. Поэтому и увидел. Откуда здесь собакам взяться. Крыс, и тех нет.

– Ну конечно, – вздохнул Андрей. – Он же там, получается, почти полсутки пробыл.

– Да... – протянул Миша.

Кабель слегка натянулся, и они снова начали вращать барабан.

– Умер он недавно.

– Кто? – Андрей все никак не мог привыкнуть к тону, с которым Миша сообщал о чей-то смерти.

– Паренек тот, – спокойно ответил Миша. – Ему всего-то лет семнадцать было. Ирка говорит, вышел из окна.

Андрей не стал ничего отвечать. Вся эта тема ему не нравилась.

– Хотя, ради справедливости стоит сказать, в подземке они гибнут не часто, – продолжал Миша, не замечая, что Андрею разговор неприятен. – Больше проблем создают, когда их датчики засекают. Приходится ходить и искать. Свет в пе-

регионе включать, машинистов предупреждать. А вот если в городские коллекторы полезут, вот там-то им помочь некому. Гибнут один за другим. Хорошо, хоть теперь сюда почти не лазят.

– Сюда это куда? – спросил Андрей.

– На «Кольцевую». Тут не очень глубоко, но все равно прилично. Ответвлений много, переходов. Я уже не говорю о кабельных коллекторах. Из-за прошлого случая постарались все лазы позакрывать, – усмехнулся Миша. – А теперь мы тут круглые сутки работаем. Вот и не лезут. Знаешь, как они себя называют? – он выразительно посмотрел на Андрея.

Конечно, Андрей знал, но все равно приподнял брови, сделав вид, что ему действительно интересно.

– Диггеры они, – Миша сипло захихикал.

– Мы, когда мелкими были, тоже по стройкам и гаражам лазили, – заметил Андрей. – Хотя я больше на речку ходить любил.

– Нет, – тут же отрезал Миша. – Это другое. Среди этих и взрослые совсем попадаются. Подростков сюда тащат. Пример подают. А знаешь, как они нас называют? – На этот раз Миша не дал Андрею время на догадку и сам ответил на свой вопрос. – Петровичи.

– Это почему?

– Значит, что недалекие мы все. Тупые, по – простому. Только вот, если каждого, кто сюда лазит или собирается, потом на работу в метро принудительно отправлять, тогда этих

диггеров совсем не останется. Месяца два отпашут и у самих все желание пропадет. От темноты этой тошнить будет.

Андрей не ответил. В чем – то он был с Мишей согласен, а в чем – то нет. Миша считал, что эти ребята лезят сюда за острыми ощущениями. Он же считал, что, когда рождаешься в окружении бетона и железа, у тебя просто не остается выбора. Эти ребята не умеют жить в другой среде. Либо они примут свою сущность, обследуют, как крысы, все закоулки и тупики. Либо страх перед этим скрытым миром навсегда останется в их душе, и они просто не выживут. Поэтому Андрей не винил их за желание залезть туда, где темно и сыро, где можно заблудиться и умереть. Ведь это просто желание залезть в самое нутро. В чрево железобетонного зверя, чтобы навсегда сбросить с себя ужас перед ним и наконец зажить свободно. Андрей посмотрел на давящие, бетонные стены тоннеля. Ему это так и не удалось.

Барабан с кабелем резко перестал крутиться. Из перегона послышался громогласный рев бригадира Вали.

– Стоп! Петлю поймали!

После этого работа встала еще на час. После обеда еще дольше провозились с углами. Согнуть силовой кабель в нужном месте не так просто, как кажется на первый взгляд. К концу смены энтузиазма поубавилось даже у новичка Паши. Хотя Андрей все равно видел, как блестели глаза паренька, пусть и его светлая челка стала теперь совсем черной. Похоже, он думал, что чуть ли не единолично протянул не мень-

ше ста метров.

– Ты молодец, только не сильно увлекайся. Работай в темпе со всеми, – сказал ему Андрей, когда они поднимались.

Паша сделал вид, что не услышал. Но Андрей знал, что бы он не говорил, пыл у парня угаснет сам спустя пару дней или после первой ночной смены.

Еще двадцать минут на автобусе и Андрей снова спускался под землю. Он спешил к станции по переходу, вдыхая запах кофе и чебуреков. Электропоезд со свистом пролетел мимо, двери открылись. Он постарался зайти в вагон первым, чтобы пройти как можно дальше и не толкаться у входа. Вагон оказался забит и пару станций пришлось стоять. Андрей был не против. Он мог видеть весь вагон, наблюдать за входящими и выходящими, так ему от чего-то становилось спокойней. Напротив, сидела пожилая женщина со взрослой дочерью. Лоб и щеки девушки были обильно усыпаны прыщами. Андрей обратил внимание на то, что она была одета почти так же, как и мать, хотя их разделяло не меньше тридцати лет. Тусклая, бесформенная куртка, грязная, непременно черная обувь и шапка, которую она не снимала и пыталась натянуть все ниже на лоб, несмотря на то, что в вагоне было довольно жарко, в попытках скрыть немые волосы. Женщина достала из сумки целлофановый пакет и протянула дочери. Девушка сначала пыталась отказаться, украдкой глядя на молодого парня в наушниках, стоявшего рядом. Но когда мать все же настояла, смирилась со своей участью и

сунула пухлую руку в пакет. Андрей подумал о том, что девушка была довольно симпатичной и вполне могла бы заговорить с этим парнем, если бы вырвалась из душащих объятий матери.

От этой пары ему стало не по себе, и он перевел взгляд на мужчину в костюме. Мужчина стоял прямо у выхода и совсем не держался за поручни. Когда поезд остановился, он даже не пошатнулся, только поправил пиджак и пропустил входящий поток людей. С нарастающим шумом, будто кто-то с силой всасывал воздух, поезд снова начал набирать скорость. Андрей продолжал разглядывать пассажиров. Рядом с мужчиной в костюме сидела молодая девушка. Она уронила голову на грудь и, казалось, спала, положив руки на черную сумочку. Несколько прядей светлых волос выбились из прически, а щеки покраснелись. Временами, когда вагон подбрасывало или поезд делал резкий поворот в одном из перегонов, девушка просыпалась, приподнимала голову и открывала глаза, но затем снова их закрывала, точно, как уставший ребенок. Андрею вдруг стало ее жаль, как было жаль всех, кто был вынужден куда-то бежать и спать на ходу в погоне за лучшей жизнью. На следующей остановке голос из динамика объявил название его станции, и Андрей начал пробираться к выходу с мыслью о том, что наверху он вновь с облегчением вдохнет морозный воздух.

Когда он подошел к серой девятиэтажке, было уже не

меньше восьми вечера. Андрей набрал онемевшими пальцами код на домофоне и потянул железную дверь. Поднялся на четвертый этаж пешком, чтобы не грохотать лифтом на всю лестничную клетку и замер у древней деревянной двери, прислушиваясь. Голосов слышно не было. Это могло значить как хорошее, так и плохое. Андрей поднял руку, чтобы постучать, но замер в нерешительности. Всякий раз ему становилось все сложнее приходиться сюда. Но Андрея тянуло в эту квартиру чувство долга и любви. Он собрался с мыслями и все же постучал. Послышались торопливые шаги и ему открыл невысокий парень со взъерошенными черными волосами. Андрей не смог сдержать улыбку. Племянник тоже ему улыбнулся.

– Здорово, Валерка, как ты? – Андрей крепко пожал парню руку.

– Здравсьте, дядь Андрей, проходите. У меня все отлично. Андрей переступил порог и закрыл за собой дверь.

– Налить вам чаю? – Валерка засуетился по кухне, пряча в шкаф кружки и немытые тарелки.

– Нет, – Андрей тоже прошел на кухню, осматриваясь. Он заметил, как Валерка смял пустую обертку от сигарет и бросил в забитое мусорное ведро под раковиной. Прямо как мальчишка.

Окна были закрыты, но запаха в квартире не было. Валерка его не ждал, проветрить бы не успел, думал Андрей.

– Я ненадолго, просто хотел тебя поведать. Рассказывай,

как у тебя дела, только на этот раз попробуй обойтись без «все отлично».

Валерка улыбнулся. На щеках была только дневная щетина. Это тоже был хороший знак.

– Да у меня правда все хорошо. Денег на квартиру хватает. Я после того раза уже ничего, кроме пива и не пью.

– Это правильно, – согласился Андрей, заглядывая за холодильник в поисках пустых бутылок, пока племянник щелкал кнопкой на газовой плите.

– Меня уже и не тянет совсем. Противно даже.

– Это верно, – Андрей смял в кармане пятитысячную купюру. Эти слова он слышал уже не один раз.

Валерка налил две чашки чая и даже достал откуда-то конфеты.

– Сегодня купил, – улыбнулся парень. – Утром встал и вдруг подумал, что конфет жуть, как хочется. А почему нет? Сходил да купил. Аж килограмм набрал. Теперь вот хожу и жую, – он развернул конфету, демонстративно сунул в рот и начал нервно жевать.

– С работай у тебя как? – Андрей пальцами разгладил купюру в кармане. – Я вижу на покушать тебе пока хватает. Ну а потом? – он вынул из кармана руку с деньгами.

Валерка посмотрел на Андрея, потом скосил взгляд на руку.

– Да мне хватает, – замялся парень. – Не то, чтобы очень, конечно. Но до полочки дотяну как-нибудь.

– Так ты что, работу нашел?

– Ааа! – Валерка сделал безумные глаза. – Я же тебе не сказал. Я работу нашел! В цеху, сторожем.

– Правда? – Андрей просиял. – И когда приступаешь?

– На этой неделе начинаю. Меня парни посоветовали, спасибо им. В этом цеху и Вадик работает. Я на смену около шести вечера заступаю. С ним как раз иногда пересекаться будем.

Андрей нахмурился и сунул деньги обратно в карман.

– Ты бы поменьше общался с этими твоими парнями. Сам знаешь. Тебе сейчас работать надо. На деле сосредоточиться. Я про учебу, конечно, пока не заикаюсь, но это только пока.

– Да, – Валерка смутился. – Но они мне хоть какую-то работу нашли. А то до этого целый месяц без дела сидел.

– Ладно, ты все-таки молодец, что работу нашел. Я рад. Правда рад, – Андрей снова улыбнулся.

Они еще немного посидели, обсудили сериал, который Андрей смотрит на работе. Андрей пожаловался на то, что у смартфона слишком быстро садится заряд. Валерка посоветовал ему купить какое-то устройство, от которого можно этот самый смартфон заряжать. Андрей, конечно, внимательно все выслушал, но для себя решил, что будет экономить заряд по старинке. Когда он засобирился домой, Валерка как-то немного сник, но проводил его до двери.

– Ладно, ты береги себя, – сказал Андрей. – Мы с тетей Таней за тебя беспокоимся.

– Да ладно, пап, – парень взъерошил рукой волосы. – У меня все отлично будет. Лучше, чем у кого-либо еще.

Андрей застыл. Валерка и раньше называл его папой, но очень нечасто. С каждым годом он слышал эти слова все реже. Андрей действительно был парню, как отец. После смерти своего брата и отца Валерки, Андрей всегда помогал Наташе, которая осталась одна с сыном. В тот день он потерял и брата Сашу, и сына Сережку. О ком ему было еще думать? Когда мать Валерки умерла, парню было девятнадцать. Он так и остался жить в родительской квартире один. Андрей не думал, что племянник назвал его так специально. Просто иногда это случалось, само собой. А иногда, как сейчас, Валерка даже сам этого не замечал. В конце концов он потерял отца, когда ему было семь. Парень еще помнил, что такое иметь обоих родителей, которые о нем заботятся и любят. Андрей взгляделся в карие, как у брата, глаза племянника, в простодушную улыбку и крепко его обнял.

– Вот, держи, – он сунул мятую купюру ему в ладонь.

Валерка неохотно запротестовал, но Андрей настоял. Как всегда.

– Не спорь, – тут не так много. – Нам с Татьяной деньги все равно тратить некуда. А ты себе еды нормальной купи и одежды приличной. Все-таки на новую работу устроился.

– Я ж сторожем, – протянул Валерка виновато.

– Ну и что. Сторожем что, прилично выглядеть не нужно? Все, давай, мне пора.

Он еще раз обнял племянника и вышел из квартиры.

– Ты утром опять сильно шумел. Я же тебя просила, – Татьяна отмывала тарелки от остатков ужина.

– Извини, я проспал. В следующий раз буду тише, – ответил Андрей.

– Да, – жена махнула рукой. – Ты так все время говоришь. Слышал, что по телевизору говорили? Снова, говорят, война начнется.

– Нет, не слышал. У меня на работе своя война. Это вы у себя там телевизор постоянно крутите.

– Ну а ты сериалы свои дурацкие смотришь. Это хотя бы жизнь, а у тебя что? – Татьяна составила мокрую посуду в шкаф, открыла упаковку вафель и со вздохом, полным страдания, плюхнулась на стул напротив. Так, что Андрей испугался за его прочность.

– Нет у нас там времени телевизор смотреть. Да и под землей все равно сигнала нет.

Жена только покачала головой и запила вафлю чаем.

– Ты сегодня поздно вернулся. Опять к Валерке ходил?

– Забегал на часок, – неохотно ответил Андрей. – У него все нормально.

– Я и не сомневаюсь, что у него все нормально. У него же работы то нет, а ты ему все денег носишь. Чего бы у него не нормально-то быть?

– Все, не заводись, – сморщился Андрей.

– А что мне заводиться? – Татьяна повысила голос. – Ты ему почти все свою зарплату носишь, а он ее пропивает.

– Не преувеличивай, – Андрей тоже повысил голос. – Какая тебе разница? У тебя зарплата вообще минималка.

– Да я хоть за минималку работаю, со своими-то проблемами, – она указала мясистыми пальцами на внушительного размера лодыжки. – Но все равно работаю. А он даже не пытается. И не будет! Пока ты ему подачки носишь.

– Работаешь! – Андрей усмехнулся, – Сидишь, мелочь принимаешь, туалетную бумагу выдаешь и в телек пялишься.

– Да пусть так, мне за это хотя бы деньги платят! – Татьяна перешла на крик.

– Он между прочим вчера на работу устроился! – крикнул в ответ Андрей.

– Ну да, – жена рассмеялась, из-за чего стол заходил ходуном.

– Да! Устроился. Сторожем в цех. Все, хватит! Я, сколько надо, всегда на комоду оставляю. Ни копейки еще не пропил и не зажал. Остальные деньги мои, и я делаю с ними, что посчитаю нужным.

Татьяна махнула рукой и откусила от новой вафли. Наступила пауза. Андрей отхлебнул остывшего чая и на душе стало мерзко. Он ведь и сам чувствовал, что Валерка надолго на новой работе не задержится, как и на предыдущих. Но все равно каждый раз надеялся. Настенные кухонные часы

на фоне подсолнухов громко тикали.

– Ты не помнишь, какого цвета сапожки на Сережке были? – вдруг спросил Андрей, понизив голос.

Татьяна перестала жевать. Ее голос тоже, словно осип.

– Не помню, голубые наверно.

– А мне почему-то кажется, что желтые.

– Нет, – на нем тогда курточка синяя была, я точно помню. Мы же его в ней тогда и... Вместе с Сашкой. Я бы такие ему не купила. К курточке бы не подошли.

– А по-моему все-таки желтые, – снова сказал Андрей.

Татьяна не ответила, разглядывая свои пухлые пальцы.

– У него шапочка тогда желтая была, вязаная. Мне кажется сапожки как раз под цвет были, – продолжал Андрей.

– Боже! – вдруг вскрикнула Татьяна. – Ты меня с ума сведешь! Что с тобой такое? Споришь со мной постоянно, Сережку зачем-то вспомнил, – она встала со стула и со вздохом ушла в комнату не забыв захватить вафли.

Андрей остался сидеть с видом нашкодившего ребенка. Смотрел в кружку с чаем и вспоминал сон с Сережкой, стоявшем в мутной воде. Андрей иногда забывал, что сына потерял не только он.

На этот раз он мог двигаться. Андрей видел лицо брата. Саша сжимал руль синей нивы и разговаривал с ним через приоткрытое окно, держа в пальцах сигарету. Сережка сидел рядом на переднем сидении в той же желтой вязаной шапоч-

ке и синей курточке. Сын грустно и задумчиво смотрел перед собой, в точности, как тогда на круги в луже. Андрей почему-то уговаривал брата уехать. И чем быстрее, тем лучше. Саша ехать не хотел, но он просил его все настойчивей, и брат в конце концов согласился. Саша повернул ключ зажигания и мотор «Нивы» загудел. Андрей попробовал в последний раз разглядеть лицо сына через лобовое стекло, но не смог. Машина тронулась с места, а Андрей проснулся.

Он медленно открыл глаза. Сон не был кошмаром. Он был хуже, чем любой кошмар. Андрей уже говорил брату то же самое, только наяву и в тот самый день. Только тогда он не стоял у машины, а говорил с ним по телефону. Саша возвращался с дня рождения их близкого друга и долго отказывался от поездки. Говорил, что немного выпил, но Андрей настоял, чтобы брат забрал сына из садика в городе. Ведь сам он так устал после смены, так устал... В этом сне он снова не смог разглядеть цвет сапожек Сережки.

Андрей потер глаза и взял в руки телефон, сощурившись от яркой подсветки. На часах было пять пятьдесят две. Пора собираться на смену.

Пятнадцать минут на автобусе и поток теплого воздуха из вентиляции снова несет его к эскалатору. Несколько станций, еще одна поездка на автобусе и вот он уже на «Кольцевой», спускается под землю.

– Повезло, что тут не так глубоко, как на «Павловской»,

а? – встретил его Валя.

– Точно, – согласился Андрей. – Где наш новоприбывший? Мы вчера демонтаж старого кабеля не доделали. Хочу его натячь.

– Это правильно, – широко улыбнулся Валя. – Вон там сидит. Хмурый-прехмурый.

– А чего случилось?

– Да он ко мне с самого утра привязался. Все расспрашивал про станцию и истории, с ней связанные. Про диггеров этих, будь они трижды неладны. Ну а Серега услышал все это и напустился на парня. Если бы меня рядом не было или он первый к нему обратился, дело бы точно до драки дошло.

– Да брось Валя, какая там драка, – махнул рукой Андрей, набрасывая на плечи оранжевый жилет.

– Ну да, – Валя снова широко улыбнулся. – Так, получил бы хорошую затрещину и все.

Среди сидящих на платформе мужиков Андрей приметил самый грязный оранжевый жилет и окликнул новенького. Паша сидел на платформе с остальными, свесив ноги вниз и курил сигарету. Вчера Андрей пачки у парня не заметил и не помнил, чтобы тот курил. Наверняка увидел у остальных и решил не отставать.

– Паша! – крикнул Андрей. – Двигай сюда, я тебе задание дам.

Парень потушил сигарету, не скуренную даже на половину, и нехотя подошел к Андрею.

– Смотри. Сейчас зовешь Диму и тащите вот этот инструмент на дрезину. Потом за мной.

– А я это... – занервничал Паша. – Раньше таким не работал, – он покосился на инструмент.

– Спокойно, – сказал Андрей. – Я уже понял. Демонтажом буду заниматься я с Димой, а ты разметишь кабель, который мы вчера проложили. И чтобы каждый метр под запись. Приказ начальства.

Паша быстро закивал и побежал искать Диму. Андрей удивлялся тому, как в этом парне вместе уживались плохо скрываемая злоба на мир и простое ребячество.

Когда в перегоне горит свет, тоннель уже не кажется таким зловещим, хотя вокруг все равно мало что видно. Дрезина шла медленно, в лицо задувал сухой вентиляционный воздух. Вдоль бетонных стен тянулись линии черных кабелей. Иногда мимо проплывали высоковольтные шкафы и semaфоры.

– Дизель? – подал голос Паша. – Лошадей двести пятьдесят?

Монтер, худощавый маленький мужичок, даже не оторвал взгляда от тоннеля.

– Какой там дизель, малец, – ответил он, перекрикивая шум мотора. – Это обычная монтажная дрезина. Она в этом метро года с шестьдесят девятого, если не меньше.

– Я это... знаю, – смутился Паша. – Я про двигатель. На них же дизельный стоит.

– Малец, я ж тебе сказал, это ДМ. На них обычные карбюраторные движки стоят. И никто их не модернизировал с семидесятых. ЗИЛ сто тридцать называются.

Паша нахмурился еще больше и натянул шапку ниже на лоб.

– Тут дай бог сто пятьдесят лошадок будет, – усмехнулся монтер. – Двести пятьдесят. Ну дает, – он рассмеялся.

За ним рассмеялся и Дима. Андрей тоже не смог скрыть улыбку и тут же поймал на себе злобный взгляд Паши.

Дрезина прошла еще метров триста, и Андрей с Димой выгрузили инструмент. Паша вооружился блокнотом с ручкой и побежал дальше по перегону делать измерения. Демонтаж кабеля дело тоже не легкое, но по сложности с прокладкой не сравнится. Работа шла быстро, пока Андрей не услышал тихий отзвук, как ему тогда показалось, капающей воды.

– Дима! – крикнул он напарника.

– Чего? – отозвалось в тоннеле.

– Сюда иди. Тут по ходу воды грунтовые вышли. Нужно источник найти и нашим сообщить.

Больше слов не понадобилось. Дима прибежал мгновенно.

– Слышишь? – Андрей снова прислушался, но теперь звук больше напоминал ему тихие, неуверенные шаги по рельсу.

– Ничего не слышу, – честно сказал Дима. Он прошел несколько метров вперед и осмотрел стены перегона с фона-

рем. – Показалось тебе, – заключил он.

– Да ты что, какое показалось? – возмутился Андрей. – Я точно слышал.

– Звук капающей воды?

– Ну может, не воды, – Андрей сам уже не был уверен.

– То, наверно, я работал. Хорошо, что не грунтовые, а то нам бы тут работенки прибавилось.

Дима спрятал фонарь и снова пошел работать. Андрей не стал ему говорить, что все еще слышал удаляющийся звук.

Позже к их работе присоединились еще трое, и бригада успела демонтировать почти сто пятьдесят метров, когда Валя вызвал всех на обед. Андрей свистнул Пашу, и дрезина поехала назад.

К их возвращению на станции уже успели поставить самодельный стол из козел и открыть пиво. Обычно вот так всем миром они никогда не обедали, но сегодня был особенный день. Пока ждали с подстанции Сергея, Андрей с Пашей пошли умыться.

– А чего там происходит-то? – улыбнулся парень, он принял застолье за чей-то день рождения. Но улыбка Паши быстро угасла, когда он заметил выражение лица Андрея.

– Сегодня память Ромы, – ответил Андрей. – Ты лишнего не говори. Предложат пива, молча выпей и все. Я, честно, и без этого бы обошелся. Но для некоторых, в том числе и для Сереги, это важно. Так что, уж как повелось. – Андрей снова заметил блеск в глазах парня, на этот раз при упоминании

Сергея, но Паша все равно кивнул.

Они отмыли черные руки и вернулись на станцию. Сергей уже разливал всем пива. Ничего крепче он бы пить все равно не позволил, даже если бы разрешил бригадир Валя. Когда Паша подошел к столу, Сергей протянул стакан и ему тоже. Как понял Андрей, в знак примирения.

– Ну давайте, мужики, – на секунду он словно задумался, склонив голову, затем выпил.

Остальные последовали его примеру. Только у Димы в кружке был чай. Все знали о его непростых отношениях с любым алкоголем. Паша выпил стакан пива залпом, как водку, и смотрелось это до нельзя нелепо. Потом все расселись, кто куда и начали обед. Больше о Роме никто не говорил. Обсуждали работу, семьи и новости. После обеда работа продолжилась. К концу смены Паша все крутился рядом с Андреем, будто что-то хотел спросить, но все не решался. Только потом, когда Андрей и еще несколько монтеров на дрели вернулись с рабочего участка, он осмелился задать вопрос, который видимо интересовал его с самого начала.

– А как он умер? – спросил он Андрея, понизив голос. Так, чтобы его услышал только он. Это, конечно, было излишней предосторожностью. Шум работающего мотора дрели с легкостью заглушал все остальные звуки.

Андрей вздохнул и поднял инструмент.

– Слушай, я отвечу на твой вопрос. Ты ведь уже наверняка урывками наслушался всякого. Особенно того, что гово-

рят наверху. Только пообещай, что больше никого доставать этой темой не будешь. Особенно Серегу. Он мужик такой, церемонится не станет. В рожу даст, так потом не плачь. Понял? – Андрей многозначительно посмотрел на парня.

– Понял.

– Ладно. Рома Трофимов работал с нами пять лет. Раньше монтером путей был на железке. Он тогда еще с Серегой работал вместе. Серега его знал лучше, чем я. Но ты у него все равно спрашивать не вздумай.

– Я понял, – нетерпеливо повторил Паша.

– Так вот, – Андрей положил инструмент на место, сел на край платформы и закурил. – Год назад он умер от инфаркта. Во сне.

– Прямо на станции? – Паша раскрыл рот от удивления.

– Ты что, дурак совсем что ли? Нет конечно. Кто на работе спит. Дома он умер.

Паша смутился и молча уставился на Андрея, словно ждал еще чего-то.

– Ну и все. Чего ты еще от меня хочешь? Чтобы я тебе байки сверху пересказал?

– Ну... – протянул парень. – Нет. Просто я слышал.

– Да знаю я, что ты слышал, – произнес Андрей, не разжимая зубов с зажатой между ними сигаретой и стягивая перчатки. – Бред это все. Чушь собачья. Нет у нас ни в кабельных коллекторах, ни на перегонах никакой чертовщины.

Паша уставился на Андрея так, словно тот ему как раз ис-

тину сейчас и изложил.

– Только не говори, что ты сюда из-за этой фигни пришел работать.

Паша встрепенулся и, казалось, даже немного обиделся. – Нет. Что я, дурак какой что ли? Мне деньги нужны просто.

– Ладно, – Андрей решил, что немного грубо обошелся с парнем. – Чего ты там наслушался? Что у нас тут в перегонах нечисть какая сидит и что всяк кто ее увидит, непременно умрет?

– Почти, – честно признался Паша.

– Помнишь, я тебя попросил про Рому никого больше не спрашивать?

– Да.

– Так вот если хоть заикнешься про всю эту хрень мистическую, тебе Серега точно зубы пересчитает. Ты утром с ним уже чуть не сцепился, так что дело твое.

На несколько минут они замолчали. Андрей докуривал сигарету.

– А на счет Ромки, если хочешь знать мое мнение, у него микроинфаркт еще два года назад был. Так что на такой работе это было делом времени. И никакие черти тут не при чем. Тебе, кстати, тоже пища для размышлений, – Андрей потушил бычок, бросил в урну и встал.

– Это в каком смысле? – спросил Паша.

– В таком, надо ли тебе это? Собери тут все и запри дверь.

После этого разговора настроение у Андрея окончательно-

но испортилось. Парня в любопытстве он не винил, но какой бы она не была, смерть Ромы все равно стала для него полной неожиданностью. А когда он узнал, как умер друг. Другие говорили, что смерть во сне самая легкая. Андрей так не считал. Еще в юношестве он запомнил рассказы отца о замерзших насмерть в горах.

«Они просто ложились и засыпали», – рассказывал он.

Андрею казалось, что когда человек умирает от болезни, ранения или несчастного случая, он, пусть и на долю секунды, но успевает осознать, что в этот миг его жизнь оборвется. А когда человек умирал во сне, уставший от долгой дороги и холода, то просто ложился и засыпал, надеясь, что завтра снова откроет глаза, а сам навсегда уходил во тьму.

Когда Андрей вышел из перехода, его окликнул знакомый хриплый голос Сергея. Монтер стоял у тяжелых железных дверей на пружинах и курил. Андрей подошел ближе.

– Видел, как ты сегодня мальчика просвещал.

Андрей поморщился.

– Сам знаешь, он бы все равно выведал. Пусть лучше я ему правду скажу, чем наслушается баек.

Сергей опустил голову и закивал, выпуская струйки дыма из ноздрей.

– А ты сам-то уверен, что правда, а что нет? – Сергей посмотрел Андрею прямо в глаза. Так они не общались еще ни разу.

– В смысле? – не понял Андрей.

– Ты же знаешь, что тогда Рома и правда что-то слышал. Чего я буду тебе рассказывать.

– Ну знаю, но я сам то не слышал. Ему могло и показаться. Чего, ты мне предлагаешь все это мальчишке рассказывать?

– Ничего я тебе не предлагаю, Андрей, – Сергей плюнул себе под ноги. – Рома за пару дней до смерти ко мне пришел. У нас тогда ночная была. Я по глазам понял, что он что-то видел, но спрашивать не стал. Ни потом, ни на следующий день.

Андрей стоял и не знал, что ответить. Сергей говорил предельно серьезно, а рука с сигаретой дрожала. Может быть, от мороза.

– Ты хочешь сказать, что все эти сказки про то что... Про это все – правда? – опешил Андрей.

Сергей пожал плечами, от чего ему стало не по себе, и вдруг широко улыбнулся.

– Не знаю даже, чего я это все тебе рассказываю. Просто вспомнилось. Сегодня день такой ясный, – он прищурившись посмотрел в небо. – Как выберусь из-под земли, так смелости сразу прибавляется. Жить хочется. А там... – Сергей покосился на массивные двери и не договорил. Большим пальцем он запустил бычок в ближайший серый, заледенелый сугроб. – Ладно, давай. Я домой.

Он пошел направо, согнувшись и сунув руки в карманы, а Андрей смотрел ему в след.

– Серег! – решился он окликнуть монтера.

Сергей повернулся.

– А что он слышал? Рома-то?

– У старых путейцев свои страхи, Андрюха, – крикнул Сергей, повернулся и снова начал удаляться. Пройдя несколько метров, он все-таки обернулся еще раз. – Гудок электропоезда. Гудок в пустом перегоне.

Дома Андрей застал Татьяну, сидящей за узким кухонным столом и листавшей их старый альбом. Обернутый в серую обложку, он выглядел старым и потрепанным, будто из другой жизни. Татьяна посмотрела на Андрея и сразу его закрыла.

– На ужин картошка. Возьмешь на плите, – произнесла она, как можно резче. Так она обычно давала понять, что обижена.

Андрей не стал реагировать. Если бы он попытался извиниться или продолжить разговор, это растянулось бы надолго, а он очень устал и просто хотел поесть.

– Там еще сало осталось?

– Осталось, – сухо ответила Татьяна и сразу ушла к себе в комнату.

Андрея это устраивало. Он сбросил тяжелый пуховик, стянул свитер и, умывшись, сел ужинать. Андрей ел в одиночестве, под мерное тиканье настенных часов и дребезжание холодильника, но тяжелая тишина все равно прорывалась сквозь эти звуки. Давила не хуже округлых стен тоннеля

метро. Андрей посмотрел на потрескавшуюся обложку альбома с фотографиями, который Татьяна оставила на столе. Снова возникли мысли о том, как могла бы сложиться жизнь, если бы. Андрей ненавидел их больше всего, но приходили они к нему слишком часто. Обычно по ночам.

Он потянулся к альбому, отбросил твердую корку и тут же увидел отца. Страницы альбома слегка пожелтели, но не выцвели. От времени фотография выглядела не черно-белой, а приобрела светло-коричневый оттенок. На Андрея смотрел совсем еще молодой парень со смеющимися, хитрыми глазами. На голове у отца красовалась фуражка с твердым козырьком. Над ним виднелся маленький значок в виде пятиконечной звезды. Андрей перевернул страницу. Здесь были только фотографии его родителей. На каждой они улыбались и фотографировались только вместе. Он перевернул еще страницу и увидел себя на руках у матери. Совсем еще младенец, а рядом сидит брат Сашка. Ему здесь не больше пяти, но смотрит он на брата внимательно и серьезно. Андрей невольно улыбнулся. Дальше шло множество фотографий родственников отца и матери, о которых он уже давно ничего не слышал. А вот фото тети Нади, младшей сестры матери. Фотография была уже не такая старая, как предыдущие. На черно-белом снимке Андрей разглядел себя и брата, помогающих тете Наде чистить грецкие орехи. На широком крыльце родительского дома были постелены газеты, Тетя Надя склонилась над большущим мешком, а рядом стоял

таз с чищенными орехами.

Андрей переворачивал страницы, и они с братом становились все старше. Вот Андрей уже гордо носит красный галстук, а Саша красуется в военной форме, совсем как когда-то отец. Вот Саша с женой и маленьким сыном Валеркой на руках, сидит у них в саду за низким столиком. Летние праздники почему-то запомнились Андрею больше всего. На следующей фотографии племянник Валерка подрос и поймать его в кадр становилось все сложнее. Андрей взглянул на последнее фото, где Саша с сыном были вместе. Фотография была сделана на пруду. Саша сидел на корточках, сжимая в руках удочку, а Валерка с интересом заглядывал в жестяное ведерко, оценивая улов. Андрей заметил, что волосы у племянника тогда были такие же светлые, как и у сына Сережки. Со всех сторон их окружали камыши и смотря на эту фотографию, Андрей почти слышал голоса лягушек у запруды.

Затем со снимков постепенно начали пропадать дорогие ему люди. Сначала пропала мама, затем пропал и отец. Андрей заметил, как изменилось лицо Сашки всего за пару лет. Там, где отец еще был с ними, брат выглядел молодо, по-мальчишески. На следующих фотографиях на Андрея уже смотрел взрослый мужчина, улыбка которого все больше казалась уставшей. Тут Андрей попытался себя остановить, отложив альбом в сторону, но рука сама потянулась к следующей странице. Он знал, что за ней. Знал, потому что раз в год тайно доставал альбом из шкафа, чтобы освежить в па-

мяти дорогой образ. Андрей перевернул страницу и что-то снова оборвалось внутри.

Сережка.

Совсем еще маленький, он сидел на ковре в доме его родителей. Таня сидела рядом. Она не смотрела в объектив. Взгляд ее не отрывался от сына, перебирающего в руках игрушки. Фотография была в цвете, и Андрей убедился, что правильно помнит цвет его волос. Это была единственная и последняя фотография сына. Рядом, как по иронии, находилась их с братом фотография на фоне той самой «Нивы», которая унесла жизни Саши и Сережки. Андрей взгляделся в фото и заметил на заднем плане кусочек голубого моря. В сознании словно открылось маленькое окошко. Далекое воспоминание серого берега и набегающих на него волн. Свежий ветер с моря. Андрей будто вспомнил иной мир, обратный его подземной реальности. Настолько далекий, что уже казался ненастоящим.

Больше в альбоме фотографий не было. На этом заканчивалось все. Закончилась его жизнь и жизнь Татьяны. Они больше не фотографировались и жили в разных комнатах. Не разошлись только потому, что слишком привыкли друг к другу. Странно и как-то болезненно срослись вместе, что уже и не разорвать. Андрей вдруг понял, чтобы вспомнить, ему нужно было залезть глубже. Поехать туда, где все напоминало о прошлой жизни. Как бы больно не было, он должен был снова разорвать рану. Залезть в нее пальцами, если по-

надобится. Он закрыл альбом и пошел в комнату собирать вещи.

Андрей укладывал сумку, когда вошла Татьяна, видимо услышав приготовления.

– Ты чего, в ночь что-ли? – спросила она тревожно.

– Нет, – ответил Андрей. – Съезжу в Колосовку. Тетю Надю проведу.

«Хотя с ночной ты тоже угадала», – подумал он про себя.

Сегодня ему позвонил Валя и сообщил, что начальство требует закончить работы на всем участке от «Кольцевой» – до «Верестовской» к концу месяца. Из-за этого их разделили на две бригады и Андрей оказался в ночной смене. Адская работенка, но он подумал, что сможет подзаработать. Там глядишь и Валерка в институт вернется, а у него как раз заначка будет.

– А она что, звонила? – допытывалась Татьяна.

– Нет, не звонила.

– Так и чего ты собрался?

– Чего, чего. Что ты пристала. Проверю, как здоровье у нее, как живет. Не надо ли чего, – повысил голос Андрей.

– А чего ты на меня орешь? Тебе что, на месте не сидится? Все лезешь к людям со своей помощью. А она, может, им не нужна.

– Все, Таня. Я тебя прошу, – Андрей сунул телефон в карман джинсов. – Давай без истерик.

– Делай, что хочешь, – Татьяна взмахнула руками и уда-

лилась на кухню.

Андрей оделся, взял сумку и быстро, чтобы снова не сцепиться с женой, вышел из квартиры. Полчаса на электричке и вот он уже в Колосовке, идет вдоль засыпанных снегом обочин, покуривая сигарету. С придорожных участков надрывались собаки, но это даже нравилось Андрею. Это были звуки его прошлой жизни. В Колосовке он, как нигде больше, чувствовал жизнь. С приходом весны здесь зацветали деревья, все зарастало травой, до которой никому не было дела. И пусть это происходило только потому, что деревня была никому не нужна, кроме живущих здесь людей. Зато здесь он не чувствовал той серой, забивающей легкие, пыли, что поднималась из-под земли в городе.

Андрей дошел до знакомого зеленого забора, заглянул во двор и убедился, что тетя Надя не завела себе очередную собаку. Он перекинул руку, снял щеколду и толкнул дверь калитки. Узкую дорожку от калитки до дома покрывал слой стоптанного снега и льда. Андрей сразу заприметил лопату у стены, взял ее и принялся за работу. Он почти закончил, когда тетя Надя наконец услышала шум скребущего по льду металла и заметила его в окно.

– Андрюша! А ты чего здесь? – тетя Надя вышла на крыльцо в тапочках, держа в руках кухонное полотенце.

– Да я вот решил заехать и заодно снег почистил у тебя, – ответил Андрей, пристраивая лопату у стены.

– Зачем ты это, – запричитала тетя Надя. – Брось! Я, как

он подтает, сама сделаю.

– Да ну, мне не сложно, – улыбнулся Андрей и легко обнял старушку. – Пошли лучше внутрь, а то ты в одном платье вышла.

Они зашли в крохотную прихожую с низким потолком. Андрей разулся, несмотря на протесты тети Нади. Он знал, что старушка всегда моет полы, так уж ее приучили. Тетя Надя засуетилась по кухне, но Андрей забрал у нее чайник с заварником и сделал все сам. Тетя Надя со вздохом опустилась на табурет.

– Возьми там в холодильнике у меня холодец стоит. И вот еще помидорки есть, – старушка снова соскочила, вытянула из кухонного ящика банку маринованных помидоров и начала протирать крышку полотенцем.

– Да брось, тетя Надь. Ты сиди. Я все сам, – Андрей открыл холодильник и вытянул кастрюлю, забитую чесночным холодцом. Сколько он не старался, так и не смог понять, откуда у этой старой женщины столько сил. Тетя Надя жила совершенно одна, но когда бы он к ней не зашел, холодильник был всегда полон еды. Пока Андрей ставил кастрюлю на стол, старушка уже пыталась поддеть ножом для консервов крышку банки с помидорами.

– Тетя Надя, ну что ты в самом деле, – Андрей забрал у нее нож, и она снова неохотно опустилась на табурет. – Я на самом деле не просто так приехал, – начал Андрей, открывая помидоры. – Хотел проведать, конечно, не сломалось ли чего

у тебя. А то в понедельник снегопад сильный был. Сейчас только с работы смог выбраться.

– Андрюша, у меня все хорошо. Ты за меня не переживай. Расскажи, Валерка как?

– Хорошо, – Андрей не часто мог сказать это не солгав. – Работу нашел. Сторожем. Я за ним приглядываю, ты не переживай.

– Ох, приглядывай, Андрюша. Он мне снился давеча. Так сердце за него болит.

– Ну чего ты, все хорошо, – Андрей погладил старушку по руке.

– А Таня как? Не похудела?

– Нет, – улыбнулся Андрей, вилкой вылавливая помидоры и выкладывая их на тарелку. Тетя Надя спрашивала у него это всякий раз, как он приезжал.

– Ругаетесь с ней?

– Нет, – Андрей отрезал себе кусок хлеба и уложил на него ломтик холодца. – Все что было, то прошло. Нам с ней и ругаться то не о чем.

– Ой... – вздохнула тетя Надя, разглаживая на коленях полотенце.

Андрей, жуя свой бутерброд, улыбнулся ей. Кусочек холодца упал с хлеба на стол, и тетя Надя протянула ему полотенце.

– На, Андрюша.

– Спасибо, тетя Надь.

Андрей ел, а старушка рассказывала ему про то, как к ней иногда заходит соседка. Про планы на лето и весну, когда она начнет сажать арахис и помидоры. Он старался слушать и даже что-то отвечать, но настоящие его мысли были уже далеко в прошлом. Там, где в доме через дорогу они жили вместе с Таней и Сережкой.

– Андрюша, чем ты себя изводишь? – вдруг спросила тетя Надя.

Андрей налил себе еще чая, но отставил кружку в сторону.

– Мне последнее время Сережка с Сашей снятся, – сказал он тихо.

– Хорошие сны или плохие?

– Не хорошие и не плохие. Иногда я на Сережку со стороны смотрю, а подойти не могу. Вчера тоже такой сон приснился. Только стоял он по колено в сугробе. Я ему кричать пытался, но голос был такой слабый, будто мне горло сдавили. Все что я хочу в этих снах, это увидеть его лицо, его взгляд. Но в то же время для меня это и самое страшное. Больше всего на свете боюсь увидеть в нем разочарование, понимаешь? Осуждение.

Тетя Надя покачала головой.

– Не хорошо, Андрюша, так себя изводить. Ты лучше ко мне заезжай почаще. Я понимаю, как тебе тяжело сюда возвращаться, но ты все равно заезжай. Я-то с этого места уже никуда не денусь. Чего мне остается?

– Мне все одна вещь в этих снах не дает покоя, – продолжал Андрей. – Я сны все запоминаю и каждую деталь помню. И желтую вязаную шапочку, и синий пуховик. Только цвет сапожек не помню. Вот хоть об стену головой бейся. Ты можешь меня сумасшедшим считать, но я должен вспомнить.

– Зачем, Андрюша?

– Вдруг я сначала их цвет забуду, потом шапочку его, курточку. А потом и вовсе лицо его из памяти сотрется. А ведь у меня даже фотографий хороших нет. Нет, не могу я так. Ты не помнишь какого цвета сапожки на нем в тот день были?

– Ой Андрюша... – вздохнула тетя Надя. – Не помню я, родной. У меня последнее время из памяти все, как ластиком, стирается. Я уже и лицо Юры бы забыла, если бы он у меня на полочке в комнате не стоял.

Андрей опустил голову и выпил чая. Здесь он ответов тоже не найдет. Когда тетя Надя вышла провожать его к калитке, он еще раз ее обнял.

– Андрюша, ты себя береги. Сны эти, что тебе снятся, они не хорошие. Ты за них не держись. Я женщина старая, но что люди говорят, слышу. Раньше все говорили о заговорах, о порчах, чертовщине всякой. Так вот враки все это было. А теперь времена такие настали, что и не скажешь, что не было всего этого. Не знаю почему, но мир меняется, Андрюша. Я только за последние два года такого наслушалась и навиделась, что волосы дыбом встают.

– И ты береги себя, тетя Надя, – Андрей запер калитку и

снова пошел вдоль грязных сугробов, только в сумке теперь лежали две банки соленой капусты. Он не мог не держаться за эти сны. Каждый вечер Андрей закрывал глаза, только чтобы снова их увидеть.

Ровно в семь вечера пошел снег. Андрей заметил первые крупные хлопья, еще когда ехал в электричке обратно в город. К вечеру дороги опустели и в свете желтых фонарей выглядели так, словно их устлали серым пеплом. Андрей подумал, что такой пейзаж шел этому городу куда больше. Когда он вышел у дома, узкие лавочки уже покрылись белыми шапками. Он шел не спеша, наблюдая за редко проезжающими машинами. Во дворе Андрей снова встретил бездомного пса. Был ли это тот же пес, которого он видел раньше, сказать было трудно. Пес трусил через двор между припаркованными машинами. От мысли о том, что он искал место, где бы мог переждать холодную ночь, пока Андрей возвращался в теплую квартиру, ему почему-то стало стыдно. Но это чувство тут же исчезло, когда он заметил у подъезда худую фигуру в коротком пуховике. Андрей подошел ближе и сердце сжалось в комок.

– Валерка, ты чего тут делаешь так поздно? – спросил он.

Валерка вздрогнул от неожиданности и сбросил с головы капюшон. Андрей заметил покрасневшие, мутные глаза.

– Дядь Андрей, а я тут это, – Валерка вел себя неуверенно и нервно. – Тебя жду.

– Зачем?

– Помнишь, ты дал мне пять тысяч?

– Да, – у Андрея защемило в груди.

– Я их это, потратил на справку. У тебя не будет еще тысячи, а то мне совсем чуть-чуть не хватает.

– На какую справку?

– Ну на эту, медицинскую. Для того, чтобы меня сторожем в цех взяли.

– Ты же говорил, что уже устроился.

– Да, почти. Парни сказали, что только справку нужно сделать. Но я уже сделал, ты не волнуйся. Просто немного не хватило, пришлось у парней немного взять. – Валерка переступал с ноги на ногу. Он сильно замерз. Наверняка простоял тут не меньше часа, ожидая Андрея.

– А чего к Татьяне не поднялся? – спросил Андрей. Он машинально достал бумажник и протянул Валерке тысячу.

Валерка взял деньги и не глядя сунул в карман.

– Да я не хотел беспокоить.

– Мы тебе всегда рады. Пошли, чаю попьем. Или давай я хоть провожу тебя до остановки, поговорим.

– Да нет, спасибо, дядь Андрей, – он шмыгнул носом. – Меня парни подвезли, ждут. Так что я уже пойду.

Андрей обернулся на стоявшую во дворе «копейку». Тусклый свет фар подсвечивал падающий на асфальт снег.

– Может хоть на пару минут зайдешь, – не сдавался Андрей.

– Да нет, я чаю не хочу.

Андрею наконец удалось поймать взгляд Валерки. Ему вдруг захотелось кричать.

«А чего ты хочешь? Водки хочешь?».

Он представил, как Валерка возвращается в копейку и протягивает тысячу какому-то Вадику. Андрей дал ее племяннику, чтобы единственный родной человек, который еще остался в его жизни, нашел работу. Чтобы вернулся на учебу. Чтобы наконец зажил, как человек. Он каждый день проливает пот за эту тысячу. Для чего? Чтобы какой-то Вадик купил себе на нее водки? Но Андрей ничего не сказал. Он просто развернулся и пошел к подъезду. Он знал, что Валерка смотрит ему вслед, но не обернулся. Только в плохо освещенном подъезде он все-таки выглянул в высокое узкое окно. Заметил, как «Копейка» сделала круг по двору, и оставив длинный след на снегу, скрылась за соседним домом.

– Прости, Сашка, – тихо сказал он.

Андрей аккуратно повернул ключ в замке и заметил, что на кухне горит свет. Татьяна в такое время обычно спала. Жена сидела за столом, отвернувшись к окну. Каштановые волосы спадали ей на шею и плечи, уже не такие густые, как раньше, но все еще красивые. На секунду Андрей увидел в ней ту самую девушку, на которой женился двадцать пять лет назад. Он тихо подошел к жене и положил грубые ладони ей на плечи. Татьяна тяжело вздохнула. Андрей понял, что она плакала.

– Ты как вчера вспомнил Сережку, так я теперь сама не своя. Он тебе снится? – она повернула к нему круглое заплаканное лицо.

Андрей кивнул.

– Ты думаешь я о нем не вспоминаю? – снова спросила она тихо. – У нас ведь поэтому все наперекосяк пошло, – Татьяна вытерла глаза кухонным полотенцем. – Я видела вас в окно. Андрюша, ты же знаешь, он ведь не Сережка.

– Да, я знаю, – спокойно ответил Андрей.

– И ты ни в чем не виноват.

Андрей опустил перед женой на колени и поцеловал во влажную щеку.

Верно говорят. Ночная смена самая тяжелая. Добираться до работы тоже стало сложнее, а уж о сне Андрей вообще не вспоминал. Он считал, что теперь весь день будет думать о Валерке, но с самого вечера, после дневного сна перед сменной, у него из головы почему-то не выходил Рома Трофимов. Андрей чувствовал, что теперь история, которая так занимала новичка Пашу, теперь отчего-то занимает и его. Что-то было в этой истории такое, что притягивало его мысли. Андрей уже несколько раз решался позвонить Валерке, но каждый раз передумывал. Не из-за гордости или упрямства. Скорее из-за страха перед бесконечными длинными гудками.

Андрей понял, что случилось неладное, когда заметил

бригадира Валю в компании Сергея. Эти двое и парой слов перекидывались то редко, а увидеть их вместе, тихо что-то обсуждающих, ему и вовсе никогда не доводилось. Андрей подошел медленно, чтобы ненароком не подслушать разговор.

– А где Дима? – спросил он.

Валя тяжело вздохнул. – Я его еще вчера пораньше домой отпустил.

– А сегодня он не вышел, – закончил за него Сергей.

– А что случилось?

– Строго говоря, ничего, – протянул Валя. – Мужики говорят, ему вчера плохо стало. Вышел из перегона на станцию в поту, весь бледный. Может, заболел. Мужики, давайте работать, а то мне через три недели сюда дренажников запустить нужно, – Валя сморщился, вынул из нагрудного кармана сигарету и отошел в сторону, наблюдать за работой новых вверенных ему монтеров.

Андрей уже раскрыл рот, чтобы расспросить о случившемся Сергея, но тот остановил его взглядом. Сергей покачал головой и указал пальцем вверх. Андрей этот жест понял. Под землей он эти темы обсуждать не будет, и до конца смены больше его ни о чем спросить не пытался. Единственный, с кем Андрей мог еще поговорить, был Миша. Он чувствовал, что обязан разобраться в происходящем, что это как-то поможет ему самому. Но как, Андрей пока не знал. Он нашел Мишу на третьем отрезке и отозвал в сторону для

разговора.

– Слушай Миш, – начал он неуверенно. – Я все тебя спросить хотел.

– О чем? – насторожился Миша. – Если ты это, с просьбой, то ты же знаешь, я недавно машину в кредит купил. Много не смогу дать. Но тебя выручу, ты не сомневайся. Ты мужик дела.

– Нет, нет, – торопливо ответил Андрей. – Мне деньги не нужны. Я просто поинтересоваться хотел.

– А, – протянул Миша, но казалось напрягся еще больше. – О чем?

– Помнишь, ты мне про парня рассказывал, ну того, который на эту станцию с друзьями лазил. Помнишь?

Миша нахмурился.

– Нет.

– Ну про того, который потом самоубийство совершил, – нехотя уточнил Андрей. Он надеялся, что не придется об этом напоминать.

– А! – вскрикнул Миша и вытер нос. – Про того, как его? Диггера что-ли? – на его лице засияла неуместная улыбка.

– Да, – кивнул Андрей.

– Ну помню.

– Ты помнишь, когда это произошло? Когда их на станции этой искали?

– В прошлом году. В мае это было, – сказал Миша. – А что?

– А ты не помнишь, через какое время тот парень самоубийство совершил?

Андрей ожидал, что Миша скажет, что естественно не помнит или начнет задавать неудобные вопросы, но монтер ответил ровно и с прежней улыбкой.

– И недели не прошло. Я еще почему запомнил, потому что та история у всех тогда воедино слилась. Не успела она утихнуть, как весь дом узнал, что он из окна вышел. Все сначала про него плохо говорили, а когда узнали о смерти, так «Ах какой мальчик хороший был, как жаль». А толку – то. Был и нет мальчика, – Миша зачем-то изобразил звук, с которым пробка вылетает из бутылки.

– Ясно, – сказал Андрей. – Спасибо, Миш.

– Да всегда пожалуйста, – он весело махнул молотом и насвистывая вернулся к работе.

Андрей подумал о том, что у Ромы, после таинственного происшествия на станции, времени было еще меньше. Он умер всего через два дня.

Всю ночь монтеры проверяли пути. Выправляли перекосы, ставили датчики. Андрей снова взял с собой Пашу заканчивать демонтаж кабеля в перегоне. В какой-то момент он сам не заметил, как оказался один. Он осмотрел слабо освещенный, уходящий направо тоннель. Слева доносились глухие звуки работающих инструментов и гул мотора дрезины. Андрей попробовал продолжить работу, но внезапное

чувство тревоги каждый раз заставляло его опускать руки и прислушиваться. Справа, в той стороне, куда ушел Паша, послышались шаги. Андрей повернулся на звук, рассчитывая увидеть парня, но тоннель оставался пустым. Он стоял и отчетливо слышал шаги, отдающиеся в металле рельса. Андрей узнал звук, который недавно перепутал со звуком капающей воды. Шаги приближались и были слишком легкими, неустойчивыми, словно шагал не взрослый человек, словно шел ребенок. Он закрыл глаза. Шаги стали совсем отчетливыми, с каждой секундой нечто приближалось ближе. Вот оно уже в пяти метрах, вот уже совсем близко, почти впри-тык. Лампы освещения мигнули и звук затих. Андрей разжал веки и увидел, как из темноты показалась фигура Паши. Парень шел по деревянным шпалам и звук его шагов сильно отличался от того, что Андрей слышал секундами ранее.

– Все, – сказал Паша. Он посмотрел на куски кабеля у ног Андрея и криво улыбнулся. – Домой понесете?

– Что? – Андрей смотрел на него и старался понять, что парень от него хочет. Он все еще слышал детские шаги, они отдавались эхом от ребристых стен тоннеля и в его голове.

– Я закончил, – произнес Паша раздраженно. Он считал, что Андрей дал ему недостойную работу. Наверняка хотел орудовать молотом или таскать кабели, как в первый день.

– Ты что это сейчас про кабели сказал? – наконец пришел в себя Андрей. – Ты здесь и двух недель не пропахал, а уже в воровстве меня обвиняешь?

– Я не обвинял, – ответил Паша с обидой в голосе. – Мне мужики рассказывали, что все так делают. У них доход от кабелей больше, чем зарплата. Они же все равно уже демонтированные. Наверняка бригадир...

– Запомни, – Андрей угрожающе взял в руки инструмент. – Я никогда ничего не воровал и воровать не собираюсь. Бригадир, говоришь? Ну так давай мы сейчас на станцию выйдем, и ты Валю сам спросишь, сколько он метров кабелей отсюда вынес. Давай?

Паша не ответил. Он покосился на инструмент в руках Андрея и наверняка вспомнил размер кулачищ бригадира Вали. Наступила долгая пауза. Андрей заговорил первый.

– Давай список. Я Вале передам.

– А мне что делать?

Андрей взглянул на дисплей старого телефона.

– Скоро конец смены. Собери все инструменты, жди дрезины и давай за мной. Кабели не забудь собрать. И чтобы под запись.

– А вы что?

– А я покурю и посмотрю, как ты бегаешь, – съязвил Андрей.

Паша сжал губы.

Андрей не стал реагировать, он пошел по шпалам к станции, обдумывая услышанное. Когда он вышел из тоннеля, за ним сразу загрохотала дрезина.

– Отлично, – протянул Валя принимая у него из рук по-

мятый блокнот. – А то мне начальство всю душу вытрясло. Ну и как наш малец?

Андрей посмотрел, как Паша со злобой стягивает бухты кабелей с дрезины на платформу. Парень заметил, как Андрей говорит с бригадиром, и лицо его исказила злость.

– С работой справляется, – коротко ответил Андрей.

– Оно и ладно. Уйдет, так незаменимых у нас нет. Все Андрюха, давай до завтра, а я домой. Отсыпаться.

Андрей попрощался с Валею и вернулся проверить как справился с работой Паша.

– Ты инструменты все на дрезину погрузил?

– Все, – огрызнулся Паша.

Андрей начал считать, и как ожидал, недосчитался натяжных клещей.

– Я же тебе сказал, все под запись, – вспыхнул Андрей. Паша захлопал глазами, как пятиклассник. – Ты хотя бы фонарем там себе посветил бы что ли, раз не видишь ни хрена. Мне теперь тут из-за тебя еще торчать. Давай бегом на перегон и неси обратно клещи.

Паша засуетился и полез на дрезину.

– Куда? – вскрикнул Андрей. – Все! Дрезина одного тебя туда не покатит. Давай пешком, и чтобы мигом.

Паша слез с платформы и поплелся в темный тоннель. Андрей достал сигарету и закурил. Через двадцать минут компанию ему составил Сергей. Андрей закурил в третий раз, от чего запершило в горле.

– А там, наверху, уже и небо светлеет, – произнес Сергей задумчиво.

– Я думал, ты под землей не куришь.

– Слишком устал, чтобы ползти наверх.

Больше они не разговаривали и просидели так еще пятнадцать минут.

– Надо идти, – спокойно сказал Сергей.

Андрей это уже и сам понял. Парня не было слишком долго. Он неохотно встал, кряхтя спустился на пути и пошел в тоннель.

Андрей шел вперед, проверяя все сбойки, но Паши нигде не было. Он рассчитывал, что тот уже идет к нему навстречу, но чем дальше Андрей шел, тем больше убеждался, что случилось плохое. Наконец он добрался до места, где оставил клещи. Инструмента тоже не было. Андрей посветил в ближайшую сбойку и заметил согнувшуюся фигуру у ржавой решетки.

– Ты чего там расселся, – крикнул Андрей.

Паша не ответил. Только поднял голову, и Андрей заметил, как блестят его щеки. Он подошел ближе и осветил сбойку фонарем. На Андрея уставились глаза безумца. На черных щеках застыли дорожки от слез.

– Эй, ты чего тут? – уже спокойней сказал Андрей.

Паша не отвечал. Андрей заметил, что его зрачки не реагируют на свет фонаря. Парень умоляюще смотрел на Ан-

дрея, его рот открылся, но сказать он нечего не мог.

– Так, – Андрей сел на корточки перед Пашей. – Все хорошо. Нам нужно выйти отсюда, понял? Сейчас сюда утренняя смена придет.

Парень все еще не реагировал, он крепко вцепился в оранжевый жилет Андрея словно ребенок.

– Слушай, Паша, – Андрей с трудом разжал его пальцы. – Надо идти! – он повысил голос и взяв парня за плечи, встряхнул.

Взгляд Паши изменился, и он тихо ответил:

– Хорошо.

Андрей поставил его на ноги, и они медленно пошли обратно к станции. Когда до освещенной платформы осталось метров двадцать, Андрей снова посмотрел Паше в глаза, оценивая его состояние.

– Пришли, – сказал он. – Возьми себя в руки и сделай лицо попроще, а то ты сейчас тут всех распугаешь, – Андрей стянул почерневшую шапку с головы парня, вывернул ее наизнанку и вытер ему лицо. – На, – он сунул шапку ему в руки. – Сейчас сразу пойдешь и вымоешься. Ни с кем не говори. Я тебя буду у эскалатора ждать. Понял?

Паша кивнул.

Они взобрались на платформу. Парень, как ему и сказали, сразу поплелся в бытовку. Андрей закурил и встретился взглядом с Сергеем. Тот заметил, что у Андрея дрожат пальцы. Заметил, но ничего не сказал.

Через пятнадцать минут Андрей встретил Пашу у эскалатора, как и обещал. Теперь парень выглядел куда лучше. По крайней мере взгляд обрел осмысленность. Они молча поднялись наверх, миновали переход и вышли в тяжелые, железные двери. На улице шел легкий снег.

– Садись, – Андрей смахнул сухой снег с тонкой лавки у здания метро. Паша сел без пререканий.

– На, – Андрей сам прикурил и протянул парню сигарету. Паша жадно ее схватил и сделал глубокую затяжку.

– Что ты видел?

Паша замотал головой.

– Ты думаешь, я за тебя пекусь? У нас там целая бригада в работе. Каждую ночную смену. Да мы должны после завтра туда снова спускаться.

– Я туда не вернусь, – снова замотал головой Паша.

– Мне плевать, вернешься ты туда или нет! Мне нужно знать, что ты видел.

Паша выронил сигарету, и та упала в снег, тут же потухнув. Он испуганно посмотрел на Андрея.

– Вы не поймете. Я не хочу.

– А ты расскажи все с самого начала, тогда пойму, – Андрей смягчил тон и протянул ему новую сигарету.

– Я и раньше что-то слышал. Еще в первый день. Но тогда день был. В смысле наверху.

– Ты слышал легкие шаги? По стальному рельсу, да? – спросил Андрей.

– Нет, – Паша снова испуганно посмотрел на Андрея. – Нет, шуршание какое-то. Как будто пакетом полиэтиленовым кто-то шуршит.

– Что ты видел? – настаивал Андрей.

– Нет, вы не поймете. Просто не поймете.

– Черт тебя дери! – снова повысил голос Андрей. – Слушай, ты можешь увольняться, можешь уехать из этого города хоть к черту на кулички, но ты обязан сказать мне, что ты видел. Я прошу тебя, – Андрей посмотрел Паше в глаза. – Прошу тебя.

Паша сделал еще две затяжки, его руки уже не так сильно тряслись.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Но я уйду. Ни к бригадиру, ни к начальнику не пойду и ничего объяснять не буду.

Андрей кивнул. Паша набрал в грудь ледяного воздуха и заговорил.

– Это еще год назад произошло. У меня тогда ни работы не было, ни денег. С армии вернулся и, как кривая затычка, никуда приткнуться не мог. Сначала думал, что все по плечу, а потом, когда меня выперли с нескольких мест, пить начал. Когда начинаешь так жить, вокруг тебя за секунду появляются люди, которых ты неделю назад знать не знал. Но ты почему-то начинаешь с ними тусоваться и потом все идет еще хуже, – Паша схватился за голову. Андрей терпеливо слушал.

– Короче, мы в тот вечер напились, как всегда, и вышли

в магазин. Нас четверо было. Не помню уже даже, зачем вышли. И кореш один наш начал на друга моего гнать. Обычная пьяная драка. Мы его на асфальт повалили и били. Я ему ногой прямо в лицо попал. Помню, у него кровь пошла, он встать пытался, а кореш мой ему не давал, – Паша сделал паузу. Казалось, ему не хватает воздуха.

– Он весь уже грязный был, жалкий такой, сопли ручьем, – он поднял глаза на Андрея. – Ну парень этот, которого мы били. Снег кровью измазал, себя. А вокруг ни души не было. Даже окна дома напротив не горели. И тут я зачем-то обернулся. Не знаю, зачем. И увидел, как у самого края тротуара под фонарями стоял бомж и смотрел. Просто стоял и молча смотрел. Обычный такой, типичный бомж с бородой. С полиэтиленовым пакетом в руке, в старом длинном пальто. Он стоял там, опустив руки и смотрел, как мы били того парня. Не убегал, не звал на помощь. Просто наблюдал. И мне так дурно стало тогда. Как будто кто-то другой смотрит на меня его глазами. Я навсегда этот взгляд и образ запомнил. Он у меня долго перед глазами стоял.

Паша сделал еще несколько затяжек. Из-за плоских крыш пятиэтажек в серой дымке поднималось тусклое солнце.

– Я же потом его даже найти пытался. Парня того, которого мы избили. Денег хотел дать. Не знаю. Извиниться что ли. Но ни адреса его, ни телефона не знал. Ну как я еще мог найти его? – Паша снова посмотрел на Андрея умоляюще, словно он мог отпустить ему грехи.

– Так что ты видел? – повторил вопрос Андрей.

– Его, – с черным ужасом в голосе сказал Паша. – Ясно, как потом вас увидел. Он стоял в одной из сбоек и смотрел на меня. Смотрел, как в тот самый вечер. Тот же человек с длинной бородой и пакетом. В старом пальто.

Вдруг Паша посмотрел на двери, ведущие в метро и замолчал. Андрей проследил его взгляд и заметил Сергея.

– Я поеду, – сказал Паша. – Попытаюсь добраться до дома на автобусах. Туда я больше не спущусь, – он бросил окуроч в снег и неуверенно ступая, пошатываясь поплелся к остановке. Андрей чувствовал, что видит его в последний раз.

Когда фигура парня скрылась за домами, к Андрею подошел Сергей.

– Что он видел? – спокойно спросил монтер.

– Сам не знаю, – честно ответил Андрей.

– Ясно. Он уже не вернется, да?

Андрей покачал головой.

– В следующую смену все ходим по двое. Завтра будет соответствующий приказ.

– Как ты это мужикам объяснишь?

– Я поговорю с Валец. Он поймет.

Андрей какое-то время смотрел за тем, как медленно падал снег.

– Серег. Думаешь с Пашкой... Ну, как с Ромой будет? Он ведь «это» тоже видел, – спросил Андрей.

Сергей не стал отвечать, но по выражению его лица было

ясно, что с парнем он уже попрощался.

Пока Андрей ехал до «Заводского» микрорайона, успел несколько раз передумать. Он выбрался из троллейбуса за три квартала до дома шестнадцать. В метро Андрей спускаться не хотел. Он ступал по вмерзшему в асфальт заледелому снегу и думал о том, правильный ли момент выбрал. Горький опыт пригодился ему и в этом случае. Вечером появляться на пороге квартиры Димы было глупо, Андрей бы вряд ли получил ответ даже на вопрос о том, как его зовут. Утром же Дима скорее всего был в таком состоянии, что попросту не открыл бы ему дверь. Андрей знал, что Дима не заболел. Он был почти уверен, что друг тоже стал жертвой происходящего на станции.

Андрей добрался до тесно прижавшихся друг к другу пятиэтажек. Серые и замерзшие, безликие, с ржавыми балконами дома, почему-то показались ему живыми, жмущимися поближе к теплой дороге. Он нырнул во двор, и засеменял по усыпанной желтым песком дорожке. Дом двадцать, дом шестнадцать. Рассчитывая на то, что правильно помнил номер подъезда, он миновал одинокую сидящую на скамье старушку и дернул дверь. Закрыто. Андрей пожалел, что не поздоровался со старушкой сразу. Он обернулся к скамейке и заговорил таким вежливым тоном, каким только мог.

– Здравствуйте. Простите, у вас нет ключа от подъезда?

Старушка даже не обернулась. Она сидела, сложив руки

на коленях и внимательно наблюдала, как какая-то женщина по среди двора выбивает ковер. Андрей решил, что у старушки проблемы со слухом и решил повторить немного громче. К его удивлению старушка ответила, даже не повернув головы.

– Нет у меня ключа, – и еле слышно добавила. – Нам тут такие как ты не нужны. Своих хватает.

Андрей уже хотел ответить ей тем же, но тут с коротким сигналом дверь открылась сама. Из подъезда держа за руку дочь вышла женщина. Андрей тут же ухватил ручку и пропустив женщину, проскочил внутрь. Он тщательно постучал подошвами ботинок о последнюю ступеньку и поднялся на второй этаж. Андрей узнал обшитую зеленым дерматином дверь. Он не стал тянуть и нажал черную кнопку звонка, опасаясь того, что старуха, сидевшая у подъезда, решит вернуться к себе в квартиру. Андрей позвонил в звонок еще три раза, когда наконец замок повернулся.

– Чего тебе? – Дима встретил его неожиданно грубо.

Опасаясь того, что он закроет дверь, Андрей незаметно подставил в проем ногу, но заговорил покойно.

– Не бойся, меня не Валя прислал, и я не собираюсь тебя на работу звать.

Взгляд Димы скользнул вниз. Он заметил, как Андрей держит ногу. Секунду он словно решал дать ли Андрею в морду и закрыть дверь или позволить войти. А потом в нем словно что-то сломалось, злость в глазах потухла, и Дима

просто молча удалился в глубь квартиры, оставляя дверь открытой. Андрей вошел и запер ее за собой.

– Водки будешь? – предложил Дима.

Андрей понял, что время для визита все-таки выбрал правильное. Бутылка на столе была выпита уже на четверть.

– Давай, – произнес Андрей, вытащил из-под стола табурет и сел.

Дима налил ему в свой стакан, а сам плеснул себе в кружку и тут же выпил. Андрей искал глазами чем закусить, но на столе был только хлеб и чищенная луковица. Водку он не пил уже лет семь, но все равно опрокинул стакан. Так было нужно. Водка оказалась чистая отравка. Он руками оторвал кусок хлеба и сунул себе в рот. Дима сразу разлил еще. Андрей подумал, что так его надолго не хватит и решил говорить прямо.

– Я знаю, почему ты ушел, – сказал он.

Дима застыл с кружкой в руке. Голова его слегка подрагивала, щеки заросли щетиной. От него разило перегаром, смешанным с запахом лука, но Андрею все равно не было его жаль. Дима вышел из ступора и выпил содержимое стакана.

– Что ты там знаешь, – сказал он тихо.

– Ты что-то слышал, – снова сказал Андрей. Он знал, что это жестоко, знал, что никак не поможет другу, но он должен был найти подтверждение своим догадкам.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, потому что слышал не ты один.

– Слышал, – Дима выпучил глаза. – Слышал и теперь забыть не могу.

Неожиданно для Андрея глаза его наполнились слезами, нижняя губа задрожала, и он закрыл лицо руками, мозолистыми пальцами размазывая слезы по колючим щекам. Андрей подождал минуту. Дима вытер глаза, лицо его сильно покраснелось. Он ухватился за бутылку и снова налил себе водки. Андрей подождал, пока друг выпьет еще.

– Я не пришел звать тебя обратно на работу и не для того, чтобы тебя утешать. Мне нужно знать, что именно ты слышал.

Дима снова выпучил на Андрея глаза.

– А не пошел бы ты, – процедил он сквозь зубы.

– Не пойду. Уж извини. Можешь меня ударить, но я не выйду из этой квартиры, пока не узнаю, что ты слышал.

– Тогда я тебя убью, – спокойно сказал Дима. Он попытался выпить еще, но отставил кружку в сторону.

– Можешь попробовать, – пожал плечами Андрей. – Но я все равно не уйду.

Дима посмотрел на него внимательно и снова закрыл лицо руками.

– Ты ведь тоже знаешь, что это такое, – проговорил он сквозь пальцы. – Знаешь, что такое потерять ребенка.

Андрей не ответил. Он не верил в то, что Дима испытывал то же, что и он. Этому человеку нравилось жалеть себя и только себя. Даже в своем горе он думал только о себе. Ина-

че он бы не пил, когда его жена ушла, забрав больную дочь. Иначе бы не пил, когда она одна ее хоронила. И не пил бы сейчас, вспоминая ее, размазывая слезы и сопли по опухшему лицу.

– Я любил их, – цедил Дима рыдая. – Не хотел, чтобы все так. Не хотел, чтобы...

Андрей сам взял бутылку и долил Диме в кружку так, чтобы он слышал, как она наполняется. Рыдания внезапно прекратились, и Дима снова опрокинул ее содержимое себе в горло.

– Что ты слышал? – спокойно повторил Андрей свой вопрос.

– Когда Анечка болела, ей нужно было делать частые... эти, – Дима запнулся не в силах вспомнить слово.

Андрей наблюдал за его жалкими потугами вспомнить, и ему почему-то становилось еще противней. Дима вертел головой, осматривая перед собой стол, словно это могло помочь ему вспомнить слово и глупо тряс руками. Андрей посмотрел на стакан перед собой. Он все еще был полон.

– Ингаляции, – подсказал он.

– Да, точно, – вспомнил Дима. – Ей дышать было нужно, а Ленка иногда даже как будто и не замечала этого. Будто хотела, чтобы дочка задохнулась.

Андрею было противно смотреть, как этот человек обвиняет во всем жену, причитая и оправдываясь, но он ждал. Сказанное могло быть слишком для него важно.

– Ей нужно было делать эти ингаляции несколько раз в день и даже ночью. Иначе она начинала плакать и задыхаться. Она так плакала, – произнес Дима сквозь слезы. – Так надрывно и так часто. Я не мог ей помочь. Этот плач врезался мне сюда, – он ткнул широким пальцем с коротким ногтем в висок. – Навсегда засел.

– Его ты слышал в перегоне? – спросил Андрей.

Дима молчал.

– Ты его слышал в тоннелях? – повторил Андрей громче.

– Да, – наконец ответил он и налил себе еще водки.

Сергей свое обещание выполнил. Как только Андрей вышел на смену, Валя объявил о том, что монтеры обязаны работать исключительно в парах. В пару ему поставили Мишу. Двое суток Андрей работал без остановки. Умышленно изматывал себя, работая до головной боли, до хруста в костях. В конце каждой смены он еле выбирался из тоннеля, соскребая с кожи черную пленку. Он сознательно убивал себя работой, надеясь только на то, что дома от усталости быстрее закроет глаза. Андрей уже все решил. Знал, как нужно было поступить, но для этого было необходимо время. Он самостоятельно демонтировал и погрузил сотни метров кабеля. Участвовал в обходе путей даже тогда, когда Валя просил его отдохнуть, боясь, что Андрей свалится с ног прямо в перегоне. Он брался и заканчивал любую работу, которую мог найти за эти сутки. Старался превратить разум в механизм, который

обязан протянуть еще несколько дней, чтобы завершить дела. Только чтобы не думать, чтобы решиться, чтобы наконец прийти к логическому концу.

Тяжелая рука бригадира Вали легла ему на плечо, когда он переводил дух, сидя на краю платформы. Андрей погрузил срезанные кабели на дрезину и теперь старался унять дрожь в руках и успокоить выпрыгивающее из груди сердце.

– Пойдем, – сказал Валя. – Нужно поговорить.

Андрей хотел возразить, но понял, что на это просто нет сил. Он с трудом, медленно поднялся и поплелся за бригадиром. Валя завел его в монтерскую, и Андрей вдруг поразился тому, каким счастливым выглядел бригадир. На щекастом лице Вали играла все та же широкая улыбка, но в этот раз он словно светился от счастья.

– Моя Ирка замуж выходит, – произнес он задорно, словно мальчишка.

– Поздравляю, – улыбнулся Андрей. – Я очень рад за тебя, Валь.

Андрей протянул руку, но вместо этого Валя вдруг крепко его обнял.

– Приходите с Таней седьмого числа. Мы, когда бронируем все, я тебе приглашение даже дам. Сам заказал. Представь, как чинно? Как в кино!

– Спасибо, Валя, – тихо сказал Андрей и сел на стул. Ему казалось, что сил у него не осталось даже на этот разговор.

– У нас кошка родила, – продолжал весело Валя.

– Что? – Андрей поднял на друга покрасневшие глаза.

В эту минуту они с Вале́й словно представляли два разных мира и говорили на не понятных друг другу языках. Происходящее казалось Андрею настолько нереальным, что он решил, ему послышалось.

– Кошка? – растерянно повторил Андрей.

– Ну да, кошка. У нас котят полная квартира. Но говорят, что это к удаче. Перед свадьбой-то, – Валя все улыбался. – Примета хорошая. Значит, внуки скоро будут. Котят ведь и не выбросишь, и кому попало не отдашь. Вы же с Таней одни, может возьмешь одного?

«Одни», повторил Андрей слова Вали про себя. Он вгляделся в свое отражение в стоявшем на столе дистилляторе. Черты лица расплывались, делались бесформенными, словно он растворялся в мутной воде. Андрей подумал, что именно так себя и чувствует, и почему-то сказал:

– Возьму.

– Правда? Отлично, – обрадовался Валя. – Поехали со мной после смены. Ко мне смотаемся, я тебе одного дам и подвезу потом. Идет?

Андрей устало улыбнулся:

– Идет.

До места они доехали быстро. В далеко не новом, но довольно чистом «Рено» Вали пахло полиролью и хвойным ароматизатором для машины. После стольких лет на общественном транспорте Андрей чувствовал себя неуютно в тес-

ном салоне, будто ехал в такси. Валя все говорил о предстоящей свадьбе дочери, рассуждал о том, как через четыре года доработает до пенсии и сразу же уйдет. Лицо его раскраснелось от возбуждения, и он часто вытирал вспотевший лоб. Бригадир рассуждал о том, как будет растить внуков и ездить на дачу. Говорил так хорошо и складно, что Андрей даже проникся этим чужим счастьем. Он понимал, Валя ни на секунду не сомневался, что именно так все и будет. В этот момент Андрей вдруг явственно осознал, что перед ним тот, кого никогда не сможет достать то нечто, что обитало в тоннелях под землей. Такие люди, как Валя или Миша, существовали в этом мире, словно искрящиеся стеклянные шары. Тьма не могла проникнуть в них. Попросту не могла ухватить гнилыми зубами за их гладкую поверхность. Нет, они не были другими. Они тоже чувствовали боль, страдали и ненавидели. Но все это только едва касалось их души. Проходило мимо, не оставляя глубоких рубцов, за которые мог зацепиться черный ужас.

– Тебе не жарко? – спросил Валя. – Может, окно открыть? Я себе приоткрою слегка.

– Нормально, – ответил Андрей.

«Рено» остановилось во дворе девятиэтажки и Валя, кряхтя, вылез из машины.

– Ты подожди. Я мигом, – он заспешил к подъезду, оставив Андрея в машине.

– Большой счастливый человек, – сказал Андрей вслух,

наблюдая за тем, как Валя взбирается по обледенелому крыльцу.

Он вышел из машины. Посреди темного двора зажегся одинокий тлеющий огонек его сигареты. Андрей никогда не был в квартире Вали, но все равно не смог устоять от того, чтобы представить себе шумную кухню, на которой его жена обсуждали с дочерью предстоящую свадьбу. И обувную коробку, полную мяукающих котят. Он успел сделать еще пять затяжек, когда у подъезда снова заметил огромную фигуру.

– Вот, держи, – тяжело дыша произнес Валя, вручая ему сверток из старого полотенца. – Этот раньше всех глаза открыл. Мы его Монька называли, но ты можешь назвать, как нравится.

– Монька подходит, – сказал Андрей, выбросил сигарету и принял теплый комок.

– Ну садись, я подвезу.

– Спасибо, Валь, я на метро. Оно как раз уже работает, – Андрею не хотелось снова ехать в машине. – Тут рядом со всем, на углу.

– Да ну куда ты один в такое время-то, – запричитал Валя. – Не дури, мне не сложно.

– Спасибо, Валя, – Андрей высвободил из-под полотенца руку и пожал широкую ладонь Вали, которую тот растерянно подставил.

– Тебе спасибо.

Андрей пошел к дороге, держа на руках Моньку. Город

проснулся, содрогнулся и зашумел бесчисленными моторами.

Андрей ехал в вагоне, держа на коленях завернутого в полотенце котенка. Не замечая любопытных взглядов и тянущей боли в затылке, и спине. Руки замерзли, пока он нес его по улице и теперь он старался их отогреть. Монька вертелся на коленях, тихо мяукая. Андрей подумал о том, что котенку сейчас наверняка было так же страшно, как и ему. Он поднес грубые замерзшие ладони ближе и почувствовал трепет крохотного живого сердца.

Когда Таня открыла дверь, он улыбнулся и только сказал:
– Знакомься.

План родился не сразу, но Андрей понял, что носил его в мыслях уже не один день. Он постепенно вызревал в сознании и вот наконец показался на свет.

Андрей сидел в полутемной кухне. Перед ним лежал альбом с фотографиями, пока он писал письмо. Валерке он уже написал, и теперь оно лежало в белом конверте, что он купил на почте по дороге домой. Теперь Андрей писал своей жене Татьяне. Он старался писать аккуратно, чтобы подчерк был как можно более разборчивый. От мысли набрать письмо на компьютере Андрей отказался. Так странно, когда хочешь сказать то, что действительно важно, перестаешь доверять технике и вверяешь слова бумаге. Он обдумал содержание обоих писем еще по дороге домой, но все равно писал

уже почти час, тщательно подбирая слова и прислушиваясь к тяжелому дыханию жены, спавшей в соседней комнате. Он знал, что с ней, прижавшись к ногам, теперь спит Монька и от этого ему становилось немного спокойнее. Письмо Валерке получилось не такое уж длинное. Многое, что хотел сказать племяннику, Андрей адресовал жене. Жаль, что он так поздно понял, что самым близким человеком для него всегда оставалась именно она.

Он написал последний абзац: «Я знаю, что ты не считаешь, что я виноват в том, что случилось шестнадцать лет назад. Но правда непоколебимая штука. Это я тогда уговорил его сесть за руль и жить с этим для меня с каждым годом становится все невыносимей. Теперь я наконец вижу выход, и я счастлив, что на мгновение увижу сына еще раз».

Когда Андрей поставил последнюю точку, то занес руку для подписи, но передумал. Письмо не было официальным документом и это было совсем ни к чему. Он положил в третий конверт все свои сбережения, в том числе и те, которые берег для Валерки на возвращение в институт. Затем все три конверта уложил в альбом. Андрей знал, что Татьяна обязательно их найдет. Она тоже просматривает эти фотографии не меньше раза в год.

Он сложил сумку еще утром. Положил в нее малярный скотч, ножницы и на всякий случай несколько таблеток нитроглицерина. Его ничего не должно было остановить.

Слова, сказанные бригадиром Вале́й в начале ночной смены, ударили его словно молнией, но доказали – он делает все правильно.

– Разбился Паша, – сказал Валя непривычно тихо. – На машине в «Колосовку» ехал. Говорят, занесло на двадцать третьем километре.

«Хотел уехать подальше от этого города. Подальше от своего страха. От метро. Не успел», – подумал Андрей. Смерть Паши от чего-то совсем его не шокировала. Андрей вглядывался в окружающие его уставшие лица и тоже не видел в них грусти. Только бесконечную усталость и страх. Страх он теперь видел отчетливее всего.

Мужики разошлись в тишине. Никто не расспрашивал Валу о подробностях произошедшего. Андрей только пару раз расслышал имя Паши в тихих разговорах. Оно эхом отзывалось в бесчисленных ходах и перегонах. Настроение было паршивое у всех, но Андрей чувствовал, что это ненадолго. Мужики быстро забудут смерть товарища и будут вспоминать его вместе с Ромой Трофимовым, только раз в год, а может и вовсе реже.

В пару Андрею снова поставили Мишу. Дима на работу так и не вышел. Андрей объяснил все, как мог Вале, а тот неохотно согласился донести сведения о внезапном сокращении штата начальству.

– Не хорошо, Андрюха, ой не хорошо. Мы в график не укладываемся, а тут еще это.

– Ничего Валя, прорвемся, – улыбнулся Андрей.

Миша оказался хорошим напарником. От работы не отлынивал. С ним в паре дело спорилось. Они успели закончить многое, прежде чем наступило время обеда.

– Сейчас дрезина на станцию поедет, – сказал Миша, прислушиваясь к мерной работе мотора.

Андрей всю смену ждал именно этого момента. Он нарочито лениво достал пачку сигарет и закурил.

– Знаешь, ты наверно езжай, а я тут посижу в тишине. У меня все с собой, – Андрей похлопал рукой по сумке с пластиковыми контейнерами.

– Не, Андрюха. Валя распоряжение четкое дал. Работаем в парах.

– Так это ж не работа. Это обед, – Андрей постарался как можно веселее улыбнуться. Видимо получилось плохо. Миша не сдавался.

– А, – махнул напарник рукой. – Давай я с тобой тут пообедаю. У меня тоже все с собой.

Дрезина загрохотала по тоннелю, притормозив около их участка.

– Ладно, поехали, – сказал Андрей и запрыгнул на дрезину.

Миша, видимо решив, что одержал победу, тоже радостно взобрался на борт и они поехали к станции.

За обедом мужики начали оживать. Скоро Андрей услышал привычные ему разговоры о футболе, политике и исто-

рии из жизни, казавшиеся забавными только тем, кто их рассказывал. Миша, конечно, активно участвовал в беседе, ярко жестикулируя.

Андрей ускользнул в середине обеда, сделав вид, что пошел в туалет. Никто не ожидал, что рабочий уйдет в перегон один, да еще и в обед. В монтерской Андрей сбросил с себя оранжевый жилет и, взяв малярный скотч, заклеил светоотражатели на рукавах и штанинах. Он спустился в перегон незаметно, через аварийную дверь и быстро пошел вглубь тоннеля. Толстые соединения кабелей вели его вперед. Перегон начал загибаться, Андрей различил высоковольтный трансформатор и семафор. Желтый свет ламп отражался в темном металле. Еще чуть-чуть. Пара шагов и перед ним то самое место, где он обнаружил Пашу, забившегося в сбойку. Андрей забрался в то же место, сел на холодный бетон, опершись спиной о ржавую решетку и закрыл глаза, прислушиваясь.

План пришел к нему еще по дороге домой после последней встречи с Пашей. Признать то, что Сергей прав, ему не стоило больших усилий. Наверно Андрей и так это знал, просто, как и другие, боялся признаться самому себе. Окончательно же все встало на свои места после разговора с Димой. Он не знал, чем было то нечто, что обитало в тоннелях на перегоне между «Кольцевой» и «Верестовской», но оно могло дать ему то, чего Андрей так желал и в то же время, чего боялся больше всего – лицо его сына. Все, кто видел это нечто:

бедный молодой диггер, Рома Трофимов, Паша, а может и еще кто-то. Все они видели свой самый большой страх. То, что шрапнелью врезалось в их душу и мучало долгие годы, приходя ночами в кошмарах. Его же страх был и его жаждой, и Андрея уже не заботило то, что случится после. Такая цена его вполне устраивала. Кто-то бы решил, что он идет во тьму, но Андрей знал, что идет к свету.

Он наконец услышал тот же звук. Крупные капли воды отбивали ритм о стальной рельс. Со временем капли превратились в неспешные шаги. Шаги медленно приближались, легко отстукивая резиновыми сапожками о металл. Андрей наконец знал, что они были желтыми. Шаг за шагом, все ближе. Шаги замерли в паре метров от сбойки, в которой сидел Андрей. Он различил слабое дыхание. Теперь Андрей наконец-то сделал все правильно. С этой мыслью он открыл глаза и улыбнулся черной пустоте.

– Сережка.